

Когда Пань Юньси приехала, она привезла с собой множество узлов и свертков: сушеные грибы, соленую рыбу, сушеных креветок-раков, целую корзину куриных и утиных яиц, а также две ватные куртки.

Она помнила, как Шэнь Цинжань однажды сказал ей: если наступит день, когда его не станет, он бы хотел, чтобы она сшила две ватные куртки для Сюэ Фэйфэна. И хотя всё обернулось не по тому печальному сценарию, о котором говорил Шэнь Цинжань, Пань Юньси в свободное время сшила их просто так.

Чан Мин провел Пань Юньси в парадную залу горной виллы «Тянься». От великолепия и размаха архитектуры у нее зарябило в глазах, и она вдруг почувствовала, что ее гостинцы здесь совершенно неуместны.

— Барышня Пань! — Шэнь Цинжань был одет всё в ту же простую одежду, что и в деревне Лицзяцунь, с засученными рукавами. Казалось, он выглядит даже скромнее и непритязательнее, чем тогда.

Пань Юньси втайне вздохнула с облегчением:

— Невестка Шэнь, давно не виделись.

Она начала по очереди развязывать свои свертки:

— Вот ватные куртки для братца Ли. Это яйца, а это сушеная рыба... Хотя вы и оставили всё хозяйство на меня, но вы столько трудились, чтобы всё это вырастить, вы должны хотя бы попробовать.

Она-то знала, каким лентяем бывает Шэнь Цинжань. Нельзя же так: вырастить урожай с таким трудом и даже не насладиться плодами.

— Спасибо, что привезли всё это в такую даль. В следующий раз не берите ничего тяжелого. Я и впрямь немного соскучился по деревне Лицзяцунь, — с улыбкой сказал Шэнь Цинжань. Пань Юньси словно повзрослела: в ее словах и поступках больше не было прежней робости.

Все меняются, и он сам — не исключение.

Недавно Шэнь Цинжань велел выкопать пруд ниже по течению от пастбища и запустил туда рыбу. От начала и до конца — целая производственная цепочка. Там разводилось множество видов рыб с нежным мясом. Он планировал засушить рыбы впрок, а заодно засолить утиные яйца, чтобы разнообразить рацион армии Сюэ Фэйфэна.

Пань Юньси продолжила:

— Хлопок, который вы посадили, невестка Шэнь, просто замечательный. Одежда из него получается очень теплой, но...

Пань Юньси нахмурилась, словно не зная, как продолжить.

У Шэнь Цинжана вдруг возникло нехорошее предчувствие. То, что сейчас скажет Пань Юньси — и есть главная причина ее приезда. Неужели что-то не так с хлопком?

— Зови меня просто Цинжань. Рассказывай по порядку, не волнуйся.

Пань Юньси опустила взгляд на свои носки:

— Я помню, когда вы... ты, Цинжань, впервые сажал хлопок, тот первый му земли почти не требовал ухода. Но хлопок вырос просто волшебный! Никаких вредителей, урожай больше, чем у тетушки Лю, коробочки крупные, а семена мелкие — все соседи обзавидовались.

— После сбора первого урожая ты велел мне засеять семенами еще два му. Но они выросли совершенно непохожими на первый урожай! Всё поле пошло вразнобой: одни кусты низкие, с толстыми стеблями и плотными листьями, другие — высокие и тонкие, от дуновения ветра падают. У одних листья пожелтели, на другие вредители напали...

Голос Пань Юньси задрожал, она была готова расплакаться. Она ведь так старалась, но у нее ничего не вышло так же хорошо, как у Шэнь Цинжана.

— Я всё испортила, да? Цинжань, ты доверил мне всё в деревне Лицзяцунь, ты верил в меня, а я даже с хлопком не смогла справиться...

Тонкий голосок Пань Юньси звучал словно издалека, из-за гор и морей, и в то же время обрушился на него, как тяжелый молот с девяти небес. В глазах Шэнь Цинжана потемнело, лицо побледнело так, словно из него выкачали всю кровь.

Кожа на голове Шэнь Цинжана словно взорвалась, кровь бросилась в голову, а остальное тело, как безвольная оболочка, погрузилось в ледяную воду. Его била дрожь, словно он провалился под лед.

Слова Пань Юньси казались и чужими, и до боли знакомыми. Шэнь Цинжань ухватился за главное, напряг все свои знания, и почти мгновенно в памяти всплыл школьный курс биологии...

Расщепление признаков.

Семена хлопчатника, устойчивого к насекомым, которые дала ему Система, были гетерозиготами с оптимальной комбинацией признаков. В них были усилены достоинства и подавлены недостатки, они демонстрировали идеальные внешние характеристики. Но этот эффект сохранялся лишь в первом поколении (F1). В их потомстве (F2) рецессивные, нежелательные для человека признаки вновь проявились, и растения стали более уязвимыми к болезням.

Казалось, он собственными руками выпустил демона из бутылки, не имея возможности гарантировать, что эти семена принесут пользу людям, как он задумал. Более того, он по собственной глупости планировал их широко распространить.

Семена второго поколения были абсолютно непригодны.

Он попал в «ловушку высокой урожайности».

Лицо Шэнь Цинжана стало неестественно бледным, Пань Юньси и Чан Мин с тревогой смотрели на него.

— Молодому господину Шэню нездоровится? Чан Суй, живо за лекарем! — крикнул Чан Мин.

Когда это их госпожа была такой слабой? Чан Мин, веря, что муж и жена связаны незримой нитью, испугался: неужели что-то стряслось с генералом?

Шэнь Цинжань махнул рукой. Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой, хуже

плача:

— Барышня Пань, мне внезапно стало нехорошо, не смогу вас принять как подобает. Располагайтесь пока здесь, а о хлопке мы поговорим завтра. Чан Мин, лекарь не нужен, я пойду прилягу, и всё пройдет.

Шэнь Цинжань быстро вернулся в свою комнату. Едва закрыв за собой дверь, он был готов рухнуть от отчаяния. Он закрыл глаза.

— Система, выходи.

Селекционная станция медленно загружалась, испытывая терпение Шэнь Цинжаня на прочность.

— Почему ты не сказала, что из твоих семян нельзя получить потомство для посадки?! Что мне придется каждый год просить у тебя новые семена и сажать их своими руками? Это так?!

Система некоторое время молчала.

— Да.

— Ты...

— При привязке мы выполнили свою обязанность по предупреждению, — резко ответила Система. — Если вы внимательно вспомните мое вступительное слово...

В голове Шэнь Цинжаня мгновенно всплыл отрывок, на который он тогда не обратил никакого внимания.

«...Высокоурожайные семена, которые некоторые семеноводческие компании продают фермерам, подверглись генетической модификации, из-за чего урожайность второго и третьего поколения резко падает. Фермеры вынуждены каждый год покупать новые семена у этих компаний... Чтобы разрушить монополию некоторых иностранных компаний на семена, государство решило создать Селекционную станцию, чтобы в случае изменения международной обстановки продовольственная безопасность не оказалась под угрозой...»

Монополия на семена. Фермеры не могут сами заготавливать семена на следующий год и оказываются в зависимом положении. Если семеноводческая компания принадлежит своему государству, то, например, с рисом можно гарантировать стабильное производство семян каждый год и продавать их по нормальной цене. Фермерам не нужно возиться с заготовкой семян, это даже удобнее. Но есть множество иностранных компаний, для которых семена могут в любой момент стать разменной монетой на переговорах.

Суть существования Системы заключалась именно в том, чтобы разорвать этот замкнутый круг. Действовать на упреждение, начиная с гибридных семян, и через мутации получить сорта со стабильными признаками.

В целом, семена риса могут стабильно поставляться каждый год. Шэнь Цинжань раньше задавался вопросом, почему за селекцию риса дают так мало баллов. Если бы он тогда копнул глубже, то заметил бы подвох.

— Так значит, я всё это время использовал гибридные семена? — в отчаянии уточнил Шэнь Цинжань.

Мало того, что его план по распространению высокоурожайных сортов рассыпался в прах (за исключением того факта, что в этом году они получают больше зерна), так ему еще придется, проглотив гордость, тратить огромные усилия на то, чтобы убедить крестьян не использовать семена второго поколения! А крестьяне, увидев такой небывалый урожай, — разве они поймут что-нибудь о «расщеплении признаков»? Разве они послушно откажутся от использования своих семян?

— Хлопок, пшеница, рис — безусловно. Картофель и батат — тоже считаются, но там это практически не влияет на возможность сохранения семян.

Видя пепельно-серое лицо Шэнь Цинжаня, Система почувствовала редкий укол совести. Ее задачей было получение высокоурожайных семян, пригодных для стабильного выращивания из года в год. Поэтому, когда Шэнь Цинжань каждый раз выбирал самые высокоурожайные (гибридные) семена из предложенных вариантов разной урожайности, она молчала и не останавливала его, чтобы собрать как можно больше данных о мутациях.

— Посмотрите на это с хорошей стороны: пусть урожайность семян второго поколения и падает, но в худшем случае она будет наравне с обычными древними сортами. Просто не будет прироста.

Шэнь Цинжань в отчаянии взъерошил волосы:

— Но они же подвержены болезням! А сколько крестьян посадили их именно ради высокого урожая? Разве я могу их обманывать? В лучшем случае — я сорву им планы на посадку на целый год. А если посмотреть шире — жена Сюэ Фэйфэна окажется лжецом! Что подумает о генерале простой народ?!

Он в изнеможении осел на пол. Перебирая пальцы, он бессознательно водил по линиям на ладонях. Он не смог помочь Сюэ Фэйфэну, не сможет предотвратить голод, который наступит через три с половиной года... Ему придется отзывать семена, извиняться перед Му Вэнькоу и просить его экстренно остановить распространение семян второго поколения.

Слава богу, что это выяснилось сейчас. Если бы они дождались созревания риса, и во второй половине года площадь посадок стала бы еще больше, последствия были бы непредсказуемыми.

Шэнь Цинжань снова погрузился в то же состояние бессилия, что и в первые дни после прибытия в деревню Лицзяцунь. Казалось, всё, что бы он ни делал, тщетно. Если бы он тогда не саботировал работу, если бы при привязке Системы не тратил время на споры с ней, пытаясь выяснить, почему выбрали именно его, а вник в суть ее целей... Он должен был догадаться обо всем гораздо раньше!

«Главная героиня — она и есть главная героиня», — с горечью подумал Шэнь Цинжань. Как же это унижительно — осознать свою ошибку только после подсказки Пань Юньси.

Эмоции носителя напрямую влияли на работу Системы. Она почувствовала, что над ней нависла реальная угроза отвязки и провала селекционной миссии.

Ей пришлось срочно предлагать варианты спасения:

— На самом деле всё не так уж и плохо. Да, урожайность снизится, но это же не значит, что вообще ничего не вырастет. Вы можете заглянуть в мою базу данных, изучить технологии семеноводства и научить фермеров, чтобы они сами каждый год выращивали

высокоурожайные семена...

Шэнь Цинжань мельком взглянул на методы производства семян и сдался на этапе контроля периода цветения.

Ни оборудования, ни материалов. Ему этому ни за что не научиться... Он ни на что не годен.

Система попыталась зайти с другой стороны:

— А вдруг растения, которые вы посадили, мутируют? У вас еще есть три с половиной года, всё можно начать с чистого листа. Вы что, сдаётесь?

Шэнь Цинжань огрызнулся:

— Ты сама-то веришь в это свое «вдруг»? Знаешь, почему я посадил столько важных сельскохозяйственных культур и ни разу не получил баллов за селекцию? Потому что это чертовски сложно!

— Тогда давайте откажемся от гибридов и перейдем на генетически модифицированные... — Людям не обязательно есть ГМО, но государство обязано владеть этой технологией. На Селекционной станции было множество проверенных ГМ-продуктов, которые просто не получили разрешения на выход на рынок.

Шэнь Цинжань глубоко вздохнул:

— За дурака меня держишь? Я не стану использовать не одобренные технологии.

Решать, что сажать, должны люди этой эпохи, когда узнают все факты. Шэнь Цинжань не имел права делать за них выбор, пользуясь своим превосходством в научных знаниях.

Система замолчала.

Шэнь Цинжань нащупал на груди нефритовый свисток. После того как он разбился в прошлый раз, Шэнь Цинжань склеил его, и теперь он выглядел несуразно; от прежнего гладкого, прозрачного нефрита не осталось и следа. К счастью, свистеть в него еще было можно, хотя звук стал глухим и хриплым, совсем не похожим на прежний чистый и звонкий свист, напоминавший пение иволги.

Шэнь Цинжань поднес свисток к губам и подул. Звук был жалобным, словно плач кукушки, харкающей кровью. Сюэ Фэйфэн не раз предлагал подарить ему новый, но Шэнь Цинжань берег этот как зеницу ока.

Свист был просто ужасен.

И Сюэ Фэйфэн его не слышал.

Как бы он хотел снова стать немым! Появился бы Сюэ Фэйфэн сразу, как только он дунул в свисток?

Шэнь Цинжань понимал, что это несбыточные мечты. Он крепко сжал свисток, чувствуя легкую боль в ладони. Представляя лицо Сюэ Фэйфэна, он мысленно подбадривал себя.

Нельзя плакать. Нужно собраться с духом и исправлять свои ошибки.

Надежда еще есть. Он еще похвастается перед Сюэ Фэйфэном своими достижениями.

Как бы Шэнь Цинжаню хотелось, чтобы Сюэ Фэйфэн сейчас был рядом. Хотелось выплеснуть ему всю свою обиду, пожаловаться, что вся та земля, которую тот с таким трудом засеял, таская его на спине, оказалась бесполезной...

Но всё, что он мог — это дуть в свисток.

Пока рот занят, плакать вслух не получится. Нельзя, чтобы Чан Мин и остальные услышали.

Сквозь свист внезапно прорезались резкие механические звуки:

— Дзинь! Поздравляем, цель селекции достигнута...

— Дзинь! Поздравляем, цель...

— Дзинь!

Шэнь Цинжань остолбенел. Система тоже.

!!!!

От волнения Шэнь Цинжань подул в свисток несколько десятков раз подряд, с таким омерзительным звуком, что Системе захотелось провалиться сквозь землю на месте.

Сюэ Фэйфэн, ты слышишь?!

...

Братья Чан с мученическими лицами прикинули к двери, отчаянно желая заткнуть уши.

Что делать? Неужели госпожа заболела от тоски по генералу? Да еще и лекаря прогнал?

Может, написать письмо генералу?

А что писать?

Чан Чань дала брату подзатыльник:

— Даже письмо написать не можешь! Вспомни, как писали разлученные парочки в книжках, и напиши так же!

Чан Мин:

— А-а.

«Госпожа всю ночь свистела в свисток».

«Госпожа всю ночь смотрел на луну».

Написанное тут же было порвано в клочья Чан Чань:

— Хочешь, чтобы господин умер от беспокойства? Дай сюда, я сама напишу!

«Госпожа даже в поле перестала ходить».

Чан Чань, сгрызая кончик кисти, задала брату трепку:

— Это всё из-за тебя! Кто начал этот бред писать?!

<http://bllate.org/book/17933/2103521>